Андрей Коровин

Лестница любви

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Незнакомой тропинкой мы вышли к берегу моря. Это был высокий обрыв, поросший лесом. Хотя погода была пасмурная, ветки вспыхнули сразу. Начала прощальный огонек наша вожатая Света. Она сказала, что провожает не первую смену, но расставаться с нами ей особенно тяжело. А вторая вожатая, Люда, добавила, что они будут помнить нас как один из самых лучших и дружных отрядов…»

- Андрей Коровин
  - ○

Андрей Коровин
Лестница любви

Незнакомой тропинкой мы вышли к берегу моря. Это был высокий обрыв, поросший лесом. Хотя погода была пасмурная, ветки вспыхнули сразу. Начала прощальный огонек наша вожатая Света. Она сказала, что провожает не первую смену, но расставаться с нами ей особенно тяжело. А вторая вожатая, Люда, добавила, что они будут помнить нас как один из самых лучших и дружных отрядов.

Сухо потрескивали поленья. Метались на ветру язычки костра, похожие на кончики пионерского галстука. Казалось, что сейчас что-то кончится навсегда. Что-то очень для нас важное.

Здесь, на высоком отвесном берегу Черного моря, у большого жаркого костра, посылающего в небо искры новых звезд, сидели кружком тридцать мальчишек и девчонок, за прошедший месяц ставших друг другу очень близкими.

Я смотрел на Наташку сквозь огонь, она сидела прямо напротив. Обычно жизнерадостная, сейчас она смотрела на пламя так серьезно, как будто принимала какое-то непростое решение. Хотелось, чтобы она думала обо мне. Потому что я тоже думал о ней, и сердце мое билось, как пескарик, вырванный рыбаком из воды.

Вожатые говорили, что эту смену и этот костер мы запомним на всю жизнь. Что мы должны стать хорошими людьми и достойными пионерами. Что все лучшее, что мы почерпнули здесь, должны передать другим, своим сверстникам, которые не были в этом лагере.

А я думал: какая же это нелепость! Как можно передать это ощущение счастья, которое случилось с нами в «Орленке»? Этот густой, опьяняющий запах роз, стоящий в воздухе, который можно нарезать, как сливочное масло. Этот детский восторг, когда утром из окна корпуса ты видишь в море дельфина или всплывшую подводную лодку. Эти хоры цикад и мерцанье светлячков в ночном лесу за нашим корпусом. Эти песни в орлятском кругу у ночного костра, которые обо всем том, о чем только думается и верится в двенадцать лет. Эти дружеские объятия в кругу, руки на плечах друзей и девчонок, к которым невозможно просто так прикоснуться – сгоришь, но в орлятском кругу – можно! Эту невероятную жалость к дельфину, чей труп был вынесен волной на берег и лежал там, разлагаясь, присыпанный песком. Это чувство первой влюбленности к

Наташке, которая метала искры вокруг своими острыми, быстрыми, огненными глазами. Это можно только сохранить в потаенной шкатулке памяти, чтобы перебирать потом дома, холодными вечерами, потом забыть о ней и случайно раскопать в старости, когда уже внуки поедут в летние детские лагеря за своим ощущением счастья и первой влюбленности.

И тут раздался чей-то девичий голос из темноты, кажется, Юли Замалютдиновой:

– А пусть Андрей дочитает свою повесть. А то разъедемся и не узнаем, чем она кончилась!

– Какую повесть? – искренне удивились наши вожатые.

– Ну, он повесть пишет, про капитанов. Очень интересную.

– А почему мы не знали об этом, Андрей? – спросила вожатая Света.

– Но она же еще не закончена!

– Все хотят, чтобы Андрей прочитал свою повесть? – спросила Света.

– Да! – в один голос закричали ребята.

– Ну что ж, Андрей, читай.

Я сел поближе к костру, чтобы в этой темной кавказской ночи можно было разобрать написанное. Пока я читал, тишина была такая, что было слышно потрескивание веток в костре, крики ночных птиц и далекий шум волн где-то внизу под обрывом. У костра было жарко, со лба стекали капли пота и капали в мою тетрадь.

Я читал, а вокруг меня, как искры пламени, проносились мгновения прошедшего месяца. Те, что остались в моем сердце.

«Дорогие мама и папа!

Поезд наш идет с опозданием. Как ни удивительно, но на Украине еще цветет черемуха. На одной станции купил пакетик черешен. Вкусные. Видели Таганрогский залив. Сначала думали, что море, но на карте там никакого моря не было. Ваш Андрей».

Утром поезд идет намного медленнее. Вдруг кто-то кричит: «Таганрог!» Хотя станция совсем небольшая, поезд неожиданно останавливается. В вагоне душно, и мы с другом Юркой Белогуровым выходим на перрон. Но вскоре поезд опять несется вперед, к морю. Вдали показались зеленые невысокие горы, мимо проносятся узкие ущелья, обрывы. За окном стали попадаться южные деревья. Мы нетерпеливо ерзали на местах, немного волнуясь. Особенно волновался Юрка, до этого он бывал в пионерском лагере всего один раз. И тут все повскакивали с мест с криками: «Море! Море!»

Туапсе встретил нас раскаленным воздухом, спастись от которого можно было только в тени пальм. Нас почему-то не повезли в тот же день в лагерь, а поселили на базе «Орленка» в самом городе. База была многоэтажным домом с видом на туапсинский порт. Прохладный ветер с моря охлаждал невыносимую жару туапсинского мая. В номере было всего две кровати, а поселили нас туда аж четырнадцать человек. Как мы уместились и как спали – понять невозможно.

После завтрака за нами, наконец, приехали автобусы. Из них стали выгружаться ребята, отбывшие свою смену. Побросав рюкзаки, они встали в круг, положив друг другу руки на плечи, и запели красивую грустную песню. У девчонок лились слезы, у мальчишек посерьезнели лица. Потом девчонки обнялись, мальчишки пожали друг другу руки, и они разделились на три группы. И три разных автобуса увезли их в разные стороны. А мы смотрели на них, не представляя, что через месяц окажемся на их месте и будем так же отрывать друг друга от сердца.

– Скажите, пожалуйста, где тут 13-й отряд?

– А вы в 13-й? Вот как хорошо! Значит, мальчики, я ваша вожатая. Меня зовут Света. А вас?

Палата мальчишек нашего отряда располагалась на втором этаже, а девчонок – на третьем. Был тихий час, но ребята в палате не спали, переговаривались. Мы поздоровались и представились. Ребята стали называть свои имена. Олег. Саша. Костик. Вова.

Мы с Юркой выбрали две соседние кровати у окна.

– В каком классе будете, ребятки? – наглым тоном спросил кто-то.

– Зачем надменным тоном нас спрашивать, друзья?

Ведь были в пятом классе и ты, и я, – ответил я строчками в рифму.

– О! Да ты поэт! – прозвучал тот же наглый голос.

– А ты, я вижу, всего лишь остряк! – огрызнулся я. – Поздравляю!

– Ну что, Костик, получил? – прокомментировал насмешливо чей-то голос.

– Да ладно, ребят, хватит вам, – примирительно сказал кто-то.

И тут прозвучал горн к подъему.

«Здравствуйте, дорогие мои мама и папа!

У меня все хорошо. Юра в одном отряде и палате со мной. Вчера меня избрали звеньевым. Кормят нас хорошо. На обед дают апельсины или клубнику. Библиотека тут есть, но я в нее не

записался (мало времени для чтения). Сменялся с ребятами на все свои значки (надо было взять их побольше). Говорят, нас будут показывать по телевизору. Ваш Андрей».

Вечером у нас был огонек знакомства на берегу моря на лавочке под молодыми кедрами. Все, не скрывая радости, бросились к волнам, и, если бы не вожатые, мы бы залезли прямо в воду.

– Ну, полноте, полноте, – уговаривала ребят Люда, – вы не раз его еще увидите.

Надо было видеть лица тех, кто оказался на море впервые. Среди них был и Саша Ягодкин. Его маленькие, веселые и чуть серьезные глаза горели каким-то необыкновенно живым огнем. Он, замерев и не двигаясь, долго смотрел куда-то вдаль.

– А мы скоро будем в нем купаться? – раздался его голос.

– В море – нет, оно еще не прогрелось, но у нас есть бассейн с морской водой. Вот там и будете купаться.

Затем каждый рассказывал о себе и о том, почему он попал в лагерь. Кто-то – за отличную учебу, кто – за активную общественную работу, а кто-то – за успехи в спорте. Мальчишки внимательно присматривались к девчонкам, а девчонки – к мальчишкам. Мне сразу понравилась Наташка Саввина из Пятигорска, красивая, рыжая, смешливая, она была отличницей, спортсменкой и занималась плаванием. А какие у нее были глаза! Кажется, я в них нырнул в тот вечер и забыл вынырнуть обратно.

Из дневника:

Иногда кажется, что наша Земля – это и есть вся вселенная. И нет ничего больше, кроме Земли. Но это не так. Наша планета – лишь жалкий остров в необъятной, неизведанной вселенной. Есть у нее конец? Есть ли где-нибудь существа, подобные нам? Это трудно узнать, почти невозможно. И мы, быть может, не узнаем этого никогда. Никогда. Какое страшное слово. Неизвестность хуже самых мучительных мыслей и зверских пыток. А люди? Люди – это муравьи, а Земля – лишь маленький муравейник вселенной. Люди – они бегают, суетятся. Какая у них цель? Ведь, может, через миллионы лет никто не узнает, что была какая-то Земля, что на ней жили люди, делали великие открытия и писали великие стихи.

На следующий день вожатые познакомили нас с «Лестницей любви». В ней было ступенек сто, не меньше. На предпоследней ступеньке белой краской было выведено: «Я вас люблю». Люда рассказала нам легенду про эту надпись.

– Еще когда только построили наш «Звездный» и эту лестницу, и лагерь постепенно превращался в большой пионерский городок, один вожатый, приехавший сюда издалека, влюбился в молодую красивую девушку, тоже вожатую. Парень был очень скромный и стеснялся выразить ей свои чувства. Тогда он сделал эту надпись, зная, что его возлюбленная каждый день ходит по этой лестнице. Вожатый вскоре уехал, а история эта не окончена до сих пор… У нас есть поверье: кто наступит на эту ступеньку, будет несчастлив в любви. Несколько минут все стояли молча, думая про несчастного влюбленного и девушку, которая так и не узнала о его любви. Потом посыпались восклицания:

– Ну и дурак!

– Как жаль его. И ее!

И мы пошли дальше, девчонки – усердно перепрыгивая эту ступеньку, а мальчишки – норовя обязательно наступить на нее.

Наташка обернулась на меня и, улыбаясь, легко перепрыгнула несчастливую ступеньку.

Из дневника:

Самый длинный хребет Евразии – Куньлунь.
Самый большой полуостров Евразии – Аравийский.
Самая высокая гора Евразии – Джомолунгма.
Самая глубокая впадина на суше – Мертвое море.

Однажды тот самый Костик, что затаил на меня обиду со дня знакомства, на тихом часе при всех заявил:

– Ну что, Корвин, докажи нам, что ты поэт. Напиши стих про «Орленок».

– Хорошо, – сказал я, – мне нужно полчаса.

И сел за работу.

Здесь, в тени кипарисов и кедров,
где у моря «Орленок» стоит,
мы улыбками делимся щедро,
и не то нам еще предстоит, —

писал я ожесточенно, как будто стоял на ринге с этим Костиком.

За десять минут стихотворение было написано. Костик смотрел на часы. Я сказал «готово» и прочел. Повисла пауза, после которой мальчишки восхищенно выдохнули:

– Ну ты даешь!

Костик скорчил гримасу и проворчал:

– Ну что ж, кое-что умеешь…

А Юрка светился гордостью за своего друга.

– А что ты там все время пишешь в тетрадь? – поинтересовался Олег из Тувы, которого мы прозвали Доктором за то, что он все время рассказывал о своем докторе-отце и о том, как лечить разные болезни.

– Ааа… это? – равнодушным тоном ответил я. – Да так, повесть одна…

В то время я писал повесть о двух капитанах. Под впечатлением от книжек Стивенсона и Жюля Верна, от фильма «Два капитана». Писал в любое свободное время в нескольких тетрадях и блокнотах. Иллюстрировать первые главы еще в Туле мне помогал мой старший друг Андрюша Лобанов, который учился в художественной школе. Так что это была рукопись с картинками.

– Дай почитать, а!

– И мне!

– И мне!

– Слушай, а прочитай нам вслух, раз всем интересно.

– Она еще не закончена, да и читать вслух я не люблю, – опешил я.

– Тогда давай я прочту, – вызвался Доктор.

– Хорошо, читай, но по главе каждый день. А я буду пока писать дальше, потому что история пока не закончена.

И Доктор начал читать:

«Большой корабль под пиратским флагом бороздил воды Тихого океана. Периодически на палубу поднимался капитан – худой, с красивыми чертами лица, англичанин. Он задавал марсовому один и тот же вопрос: «Есть что-нибудь?» И следовал один и тот же ответ: «Нет, капитан»… – Доктор читал, и палата слушала, затаив дыхание.

– Конец главы, – сказал Доктор. – Читать дальше?

– Нет, на сегодня хватит, – воспротивился я. – Завтра будет новый день и новая глава.

– А почему кит напал на корабль? – спросил Юрка.

– Об этом ты узнаешь в следующих сериях, – таинственно улыбнулся я.

Так начались наши чтения в тихий час, о которых вскоре стало известно и девчонкам.

Довольно скоро мы узнали про щель в потолке между этажами, которая отделяла нашу палату от палаты девчонок

прямо над нами. Когда было тихо, мы различали какие-то голоса и даже иногда слышали наши имена. Девчонки нас обсуждали. Но что именно они говорили, разобрать было невозможно.

Возможно, они тоже догадались о щели, потому что однажды Юля Замалютдинова спросила у Юрки, а что это такое мы читаем вслух в тихий час.

И он поведал под страшным секретом, что я пишу повесть о капитанах-пиратах, и они каждый день читают по одной новой главе. Конечно же, это сразу стало известно всей девчоночьей палате. И Юля передала Юрке просьбу девчонок: чтобы я тоже читал им главы из своей повести. Доктор читать девчонкам категорически отказался. Читать предполагалось в тихий час, который строго блюли наши вожатые. Поэтому проникнуть в палату девчонок представлялось делом непростым. Но Юрка и Вовка Донцов сказали, что все организуют в лучшем виде.

После дневного отбоя ребята следили, когда ничего не подозревающие вожатые отлучались по своим делам, и давали мне знак: пора! Я со своей тетрадью, стараясь не шуметь, поднимался на третий этаж и осторожно стучал в дверь. Покашливание из девчоночьей палаты означало, что меня ждут. Когда я вошел к ним в первый раз, меня рассмешило, что они чинно лежали на кроватях, натянув до подбородков свои одеяла. Я попытался отыскать глазами Наташку и нашел: третья кровать справа. У двери стоял стул, который был приготовлен для меня. «Если войдет вожатая, прячься под первую кровать», – сообщила стратегическое решение Юля. И я начал. Девчонки слушали в полном молчании, а я периодически поглядывал на третью кровать справа, как там Наташка, горят ли интересом ее глаза. Периодически ее глаза отвечали мне задорным искристым огнем. И только когда я закончил читать первую главу и замолчал, кто-то прошептал из-под одеяла: «А дальше?» – «Дальше будет завтра», – с видом заправского выступальщика ответил я и выглянул за дверь. За дверью ждал Вовка, а внизу дежурил Юрка. Они подали друг другу условные знаки, и мы, крадучись, вернулись в свою палату. Самое удивительное, что за все время смены нас так никто из вожатых и не застукал. Доктор читал новые главы в мальчишечьей палате, а после я читал в девчоночьей. Интрига вокруг моих капитанов росла, они бродили по необитаемому острову, находили следы предыдущих кораблекрушений, шли через непроходимый лес в глубь острова, и весь наш отряд следил за приключениями моих капитанов, каждый день в нетерпении ожидая новой главы. Я уже не успевал писать их в тихий час, потому что отвлекали чтения у девчонок, и старался уединиться в любое свободное время, чтобы

продвигаться вместе со своими капитанами вперед. Но конца их приключениям пока не было видно.

«Здравствуйте, дорогие мои мама и папа!

У меня все хорошо. Расписание в лагере очень насыщенное, свободного времени почти нет.

Вчера был Международный день защиты детей. Он запомнится мне надолго. Особенно митинг. Весь лагерь собрался перед зданием нашей дружины «Звездной». Луч прожектора освещал выходивших знаменосцев, горнистов и барабанщиков. Прожектор осветил рисунки: американского солдата с автоматом, атомную бомбу, танк. «Да здравствует счастливое детство!» – с этими словами ребята порвали эти рисунки. На митинге присутствовали посланцы из Палестины и других стран. В заключение мы вышли на берег моря и смотрели салют. Ваш Андрей».

А однажды нам сообщили, что в «Орленок» приедет самая настоящая американская делегация. Готовились к ее приезду тщательно. Нас инструктировали, как общаться с иностранцами, что можно говорить, а что нет. Поменяли все скатерти в столовой. На обед выдали по бутылке пепси-колы и бананы.

Американцы были очень обходительные, расспрашивали нас о жизни в лагере и дарили значки.

Когда они уехали, Юрка стал рассматривать подаренный ему значок и вдруг воскликнул:

– Андрюш, а знаешь, что на значке написано? Пентагон! Это же их Министерство обороны!

Мы стали рассматривать другие значки. Да, это был Пентагон.

– Это же диверсия! – шпионским голосом прошипел Доктор.

И мы дружно решили выбросить эти значки, тщательно закопав их в землю.

– Американская военщина не пройдет! – удовлетворенно заявил Вовка, когда дело было сделано.

Так мы раскрыли американский заговор. Но взрослым решили об этом не говорить. Зачем их расстраивать?

Из дневника:

Через 5.000.000.000 лет на Солнце выгорит весь водород. Солнце начнет краснеть и сжиматься. Сильно сжавшееся Солнце начнет нагреваться и расширяться. За 5.000.000.000 чудовищно вздувшееся Солнце поглотит нашу Землю. Наша планета превратится в пар, а Солнце в красный гигант. К этому времени на Солнце выгорят остатки водорода и часть гелия и превратятся в

углерод. В таком состоянии Солнце пробудет еще 10.000.000.000 лет. Потом Солнце, немного сжавшись, перейдет в стадию переменной звезды. После произойдет межпланетная катастрофа – наше Солнце сбросит оболочку и сгустки газов в пространство. Образуется планетарная туманность. Потом Солнце быстро начнет сжиматься и за 1.000.000.000 лет превратится в белого карлика.

Однажды в тихий час ребята приготовились слушать очередную главу, и я полез за тетрадкой, чтобы передать ее Доктору, но… не обнаружил. По тревоге были подняты все мальчишки, был произведен тщательный осмотр нашей палаты. Все без толку.

– А у девчонок ты не мог забыть тетрадь? – задумался Юрка.

И мы с ним, крадучись, отправились на третий этаж. Но и там тетрадки не оказалось. Вот только Юля вспомнила, что видела, как Костик утром, оглядываясь, нес куда-то тетрадь, очень похожую на мою.

– Все ясно, – сказал Юрка, – он тебе мстит.

– Да за что? – удивился я. – Я же ему ничего плохого не сделал!

– Ну как не сделал? Ты ему показал, что ты сильнее, и ребята тебя уважают больше, чем его за дурацкие шуточки, – разъяснил Юрка. – В общем, давай так. Ты молчи. Я сам.

Мы вошли в палату, где ребята сидели на кроватях и ждали нашего возвращения. Костик невозмутимо играл сам с собой в крестики-нолики.

– Костик, – начал Юрка, – а Костик.

Костик оторвался от игры и поднял на Юрку прищуренный взгляд.

– Чего тебе, адъютант писательского превосходительства?

– Ты случайно нигде не видел Андрюхину тетрадь?

– А чего сразу я? Чуть что, сразу – Костик! Достали уже!

– Я повторю вопрос, – спокойно продолжал Юрка. – Ты не видел, куда сегодня утром ушла своими ножками из нашей палаты Андрюхина тетрадь?

Костик покраснел, но ответил:

– А что, тетрадь не человек? Гуляет, где хочет!

– И где же она гуляет в данный момент, не просветишь нас?

Костик попытался наброситься на Юрку с кулаками, но я и Вовка рванули наперехват и схватили его за руки.

Остальные ребята были готовы прийти нам на помощь. Костик обернулся и понял, что все сейчас решительно настроены против него.

– Ребята… – как-то протяжно растянул он слово, но ему никто не ответил.

– Показывай, – приказным тоном сказал Юрка.

Вовка выглянул за дверь, кивнул, мы втроем прошли через холл, по лестнице на первый этаж и незаметно выскользнули из корпуса.

Тетрадь была спрятана в кусте роз, у самого колючего основания, и Костик порядком ободрал руки, пока доставал ее. Кое-где у него на руках проступила кровь.

– Перевязку тебе сделает Доктор, – холодно сказал Юрка, – если хорошо попросишь.

И мы бегом вернулись в палату, оставив воришку возле корпуса.

После этого случая я хранил тетрадь не в тумбочке, а в особом месте, о котором знало только несколько человек.

Из дневника:

В сказках почти всегда герои выходят здоровые и невредимые; добро побеждает зло. Но в жизни чаще бывает наоборот: люди в жизни делают много ошибок, и порой эти ошибки непоправимы. Многие книги, будь то о подлинных событиях или о вымышленных, пронизаны трагизмом. Порой под комедийной маской выступает трагедия. Трагизм жизни оставляет царапины или же пробоины в душе, а они на протяжении всей жизни человека дают о себе знать.

После одного из последних вечерних огоньков мы возвращались знакомой тропинкой по ночному лесу. В кустах то тут, то там мерцали огоньки светляков.

– Ребята, а давайте наберем их много и выпустим в палате. Представляете, как будет красиво? – шепотом предложил я.

И мы начали собирать светящихся насекомых и рассовывать по карманам.

Уже в палате мы высыпали всех собранных фонарщиков на пол. Их оказалось так много, что в темной комнате они напоминали угольки затухающего костра. Зрелище было необыкновенно красивым. Нам было жалко, что этой красоты не видят девчонки и что ни у кого из нас нет фотоаппарата, чтобы это запечатлеть.

– Пожар! – внезапно крикнул хулиган Костик, и мы бросились врассыпную по своим кроватям.

В палату влетела Люда, увидела тлеющий пол, в ужасе вскрикнула и… зажгла свет.

То, что она увидела, привело ее в немой ужас. По полу ползали, мигая своими маленькими фонариками, несколько десятков насекомых. Вдохнув воздуха и подавив искреннее

желание отругать нас по полной программе, она выдохнула:

– Мальчики! Никогда так больше не делайте!

Выключила свет и вышла из палаты.

– А что со светлячками-то теперь делать? – спросил Вовка Донцов.

– Светлячков выпускаем в окно, – сказал благоразумный Юрка и первым стал собирать жуков на полу.

Некоторые светляки взлетали, когда мы на ладонях выставляли их на ночной воздух, а некоторые, глупые, падали вниз, продолжая мигать своими удивительными фонариками. В ту ночь мы долго не могли угомониться, рассказывали анекдоты, а когда ребята перешли на страшные истории, я натянул одеяло на голову и уснул.

В ту ночь мне приснилась Наташка, приснилось, что я стану настоящим писателем и подарю ей свою книгу с автографом, и мы пойдем с ней вдоль моря, взявшись за руки, вспоминая наше детство и строя планы на будущее, которое будет счастливым и прекрасным. В нем мы будем жить на берегу моря, и я буду читать ей свои стихи и рассказывать обо всех-всех звездах на небе…

…Когда я закончил читать последние написанные в лагере главы, было уже совсем черно. Лишь круг сидевших ребят едва освещал уже начавший потухать костер. Где-то вдалеке за деревьями мерцали огоньки других костров, слышались отдаленные голоса поющих ребят.

– Ну что же, Андрей, будем надеяться, что из тебя получится настоящий писатель, – сказала Света, – то, что ты прочитал нам сейчас, очень интересно, как в приключенческом романе. Успехов тебе, и не забывай нас!

Кто-то из девчонок сказал:

– Надо у Андрея сейчас автограф брать, а то потом не пробьешься!

И несколько девочек действительно подошли ко мне с листочками бумаги, на которых я коряво расписался.

Может быть, никогда позже я не чувствовал себя таким окрыленным от сознания того, что написанное мною кому-то действительно интересно, как в эту черную-черную ночь на берегу самого Черного моря. Мир казался – огромным, будущее – прекрасным, жизнь – бесконечной. И я знал, что Наташка смотрела на меня в эту ночь с восхищением. Что еще нужно для полного счастья в двенадцать лет?

– Ну что ж, ребята, теперь споем, – сказала Люда.

Мы встали в орлятский круг и спели почти все песни, которые выучили в лагере. Пришел черед «запретной песни», «Звездопада» – песни, которую поют только на прощание. Мы разучили ее совсем недавно специально для этой ночи.

Когда мы прощались, все обменивались открытками с видами своих городов или красивых мест, а на обороте писали свои адреса.

Подошел Доктор, протянул открытку с адресом и просто сказал: «Приезжай».

Костик тоже подошел ко мне и буркнул куда-то в сторону: «Ты извини, если че», и я улыбнулся и крепко пожал ему руку.

Подошла ко мне и Наташка, протянула открытку с видом Пятигорска. На обороте был написан ее адрес. В ответ я протянул свою. И Наташка одарила меня своей неповторимой улыбкой.

Вернувшись домой, я сразу же написал ей письмо. Но в нем я так и не решился признаться ей в любви. А вскоре получил от нее ответ. Когда открывал конверт, из него выпала ее фотография… И в этот момент я вспомнил, что все-таки тоже наступил на ступеньку с надписью: «Я вас люблю» на несчастливой Лестнице любви.